

Король Яков
сиквен

Катя Журавлёва

Кирилл Коробко

Кирилл Коробко Катя Журавлева

<https://litres.ru/74262862>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наверно, всем хочется узнать, что стало с героями после смерти Якова и возвращения его в 21-й век, в тело Георга Келли.

В этой книге читатель вновь встретит старых друзей.

Георг Келли приходит в себя в тесной, душной, холодной тюремной камере. Как он сюда попал? Он не знает. Он потерял память...

Его жена, Катя Журавлева, обнаружив исчезновение мужа, отправляется на его поиски.

Ей помогают старые соратники Якова: Майкл, Дженнифер, Олаф, Иосиф. Друзья снова собираются вместе, чтобы выручить из беды Георга Келли, которого они знают, как короля Якова.

Автор обложки художница Тягунова Елизавета Петровна, г. Москва

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Барселона	5
Отплытие	5
Барселона	11
Галиот «Рагнар»	43
Рассказ Кати	47
Королева Катя Журавлева	56
Часть вторая. Неаполь.	59
Дженнифер	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кирилл Коробко

Катя Журавлева

Пролог

Георг очнулся в темной, грязной, вонючей камере. Каменные стены давили со всех сторон, где-то капала вода. Он лежал на холодном полу, на гнилой соломе. Голова кружилась. Как он оказался здесь?

Он пошевелился и услышал звон цепей. Руки и ноги скованы, а цепь уходила к железному кольцу в стене. Георг подергал кольцо – оно держалось намертво. Оковы были заклепаны. Без инструментов не выбраться...

Георг ощущал себя. На теле множество ссадин, ожогов и синяков. Огромная шишка на затылке. Его оглушили? Пытали? Он не помнил ничего...

Георг слышал шаги, голоса, звяканье ключей, грохот открываемого замка... Кто-то идет сюда... Тюремщики? Идут пытаться его снова?

Что делать? Как сбежать отсюда? Внезапно Георг увидел прямо перед собой вращающуюся воронку туннеля. Вот и спасение! Если бежать, то туда!

Туннель ринулся на него, схватил, куда-то понес... и все погрузилось во тьму.

Часть первая. Барселона

Отплытие

Барон Иосиф фон Гейделиц и граф Джон Кнайнборн стояли на шканцах галиота «Рагнар», рядом с капитаном Арнгейром. Они, повернувшись спиной к заходящему солнцу, любовались буйством красок, которые подарил им на прощание Неаполь.

Галиот уже вышел из гавани Неаполя и отделился от берега на пару миль.

С такого расстояния шум города уже не достигал их. Иосиф смотрел на величественный конус Везувия... и не мог поверить, что теперь свободен.

Да, он свободен. Король Яков умер. Иосиф отныне не был связан с ним ни присягой, ни узами дружбы. Конечно, с Иосифом оставался Джон Кнайнборн. Рядом находился (руку протяни) – Арнгейр Рагнарсон, шкипер и владелец галиота. Надежный друг и боевой товарищ.

Арнгейр – сын викинга Рагнара. Того самого Рагнара, который, не задумываясь и не колеблясь, отдал свою жизнь за короля Якова...

Иосиф знал, что всегда может положиться на своих друзей. Жаль только, что пришлось расстаться с Майклом Добб-

сом... и Дженнифер Стаффорд.

Но... так уж сложилась судьба. Майкл и Джннифер выбрали Службу Времени, которую возглавлял Олаф Расмуссен. Иосиф не мог винить их за это.

Олаф действительно сотворил чудо – вернул Дженнифер тело. Кроме того, он, не требуя платы и не ставя никаких условий, вылечил графа Кнайнборна. Наверно, Олаф поступил благородно. Наверно, поэтому Майкл и Дженнифер остались с ним. Но... Иосиф по-прежнему не доверял тенгу Олафу Харальду Расмуссену...

Да, не доверял. Несмотря на все доводы рассудка... и заверения самого Олафа, что старой вражде конец. Из-за этого недоверия он, Иосиф, не остался с Олафом. Он хотел быть от Олафа как можно дальше...

Теперь фон Гейделиц стоял и смотрел на берег. Огромная чаша Неаполитанской бухты уже погрузилась в сумерки. В городских окнах, здесь и там, вспыхивали огни вечерних светильников...

Но Везувий еще был освещен заходящим солнцем, играя всеми красками. Темная зелень кипарисов, пурпурная листва виноградников, желтые квадраты созревающей пшеницы, оранжевая черепица на кровлях вилл... Вечерний пасат еще доносил до ноздрей Иосифа ароматы берега...

Присмотревшись, Иосиф даже разглядел среди буйной листвы белые стены Виллы Лекаря, гостем которой он был

почти два месяца. На этой вилле остался Майкл, там осталась Дженнифер...

И там остался мерзавец и негодяй Олаф Расмуссен.

Галиот покинул бухту. С юга пришла крутая волна и ударила галиот в скулу. Тяжело груженое судно подбросило. Корабль рыскнул и увалился под ветер. Свежий морской ветер тут же ударил в паруса, заставив галеот круто накрениться.

Однако рулевой, повернув штурвал, быстро обуздал норовистого скакуна. Он привел корабль к ветру, и тот с облегчением выпрямился. Захлопали паруса, потеряв ветер. Вахтенный офицер отдал команду – и матросы, выскочив на палубу, принялись тянуть шкоты, разворачивая реи навстречу ветру.

Через пять минут паруса, перестав хлопать, вновь забрали ветер. Галиот накренился и побежал быстрее.

Капитан Арнгейр стоял на наветренной стороне шканцев, наблюдая, как вахтенный офицер управляет галиотом. Арнгейр осмотрел паруса, глянул на кильватерный след – и вполголоса посоветовал офицеру взять на парусах один риф. Тот отдал честь, прокричал команду – и матросы полезли на мачты.

Иосиф кивнул одобрительно. Если бы он командовал этим судном, он действовал бы точно так же.

После взятия рифа площадь парусов уменьшилась. Галиот выпрямился и побежал свободнее. Его скорость прак-

тически не упала, зато, судя по кильватерному следу – уменьшился дрейф.

Арногейр так же вполголоса сказал вахтенному офицеру:
– Нильс, прикажи бросить лаг.

Тот кивнул, отдал команду – и на шкафут выбежал матрос со вьюшкой лота. Вахтенный офицер достал из нактоуза¹ минутную склянку и велел матросу:

– Бросай!

Сектор лага полетел за борт, а Нильс перевернул часы. Матрос стал громко считать узлы, сбегаящие с вьюшки:

– Один! Два! Три!

Когда песок в склянке кончился, офицер скомандовал «Стоп!» Матрос выкрикнул: «Семь узлов с четвертью!»

Нильс спрятал склянку обратно в нактоуз. Отдав честь, доложил Арногейру:

– Семь узлов с четвертью, сэр!

Тот кивнул:

– Неплохо! Мы обогнем Сицилию с юга. Значит, будем в Барселоне через три дня, к вечеру. Бросим якорь на рейде, переночуем, а в пятницу утром – когда рассветет, можно будет подойти поближе к берегу.

Иосиф сказал Арногейру:

¹ Нактоуз – небольшая тумбочка на шканцах парусных кораблей, перед рулевым. В верхнюю крышку тумбочки вделан магнитный компас, в самом нактоузе хранятся предметы, необходимые для управления кораблем: лаг, лот, рупор, запасной масляный фонарь, склянки. В ночное время компас подсвечивается масляным светильником.

– Барон! Если позволите, я бы хотел постоять пару вахт у руля... По старой памяти...

Дубленое морем красное лицо шкипера едва заметно улыбнулось:

– Море не отпускает, Иосиф? Понимаю... Я скажу вахтенному офицеру – пусть включит вас в вахтенное расписание. Становитесь к рулю!

Ладони Иосифа легли на штурвал. Он сразу почувствовал дрожь корабля, рассекающего волны. В лицо ударил солёный ветер. Иосиф на мгновение прикрыл глаза.

В этот миг что-то внутри него, давно забытое и засыпанное годами – проснулось.

Корабль заговорил с ним. Скрипом снастей, натяжением канатов, тяжёлым колыханием парусов, шипением волны на форштевне, усилием на штурвале...

Когда-то давно, став шпионом и возглавив роту фон Гейделица, Иосиф подумал, что море осталось в прошлом. Он ошибался. Море никогда не забывает тех, кто однажды отдал ему свое сердце...

Он вздохнул всей грудью свежий морской воздух. Ветер пах простором, деревом палубы, смолой, рыбой, специями... Свободой.

Арногейр сказал ему:

– Курс вест-норд-вест.

Фон Гейделиц ответил:

– Есть вест-норд-вест!

Он посмотрел на картушку компаса², чуточку увалился под ветер... галиот слушался руля безукоризненно. Фон Гейделиц обернулся на кильватерный след, осмотрел паруса... и сказал:

– Я бы взял еще один риф.

Арнгейр улыбнулся еще раз и сказал:

– Это ни к чему, барон. Солнце садится: через полчаса ветер немного стихнет. То состояние парусов, что у нас сейчас – будет как раз!

Шкипер кивнул Иосифу и спустился в свою каюту. Вслед за ним шканцы покинул Джон Кнайнборн. Он в парусах не разбирался, ему тут было нечего делать.

На шканцах осталось всего три человека: вахтенный офицер Нильс, рулевой матрос, которому все равно нужно было находиться здесь (была его вахта), и сам барон Иосиф фон Гейделиц, ведущий галиот в Барселону.

Иосиф, глядя на заходящее солнце, еще раз вдохнул свежий морской ветер всей грудью. Он был свободен. Он свободен! Что ждет его в Америке?

Фон Гейделиц не знал. Но он знал – начинается новая жизнь.

² В 13-м веке магнитные компасы были уже хорошо известны в Европе. Их изобретение приписывают китайцам. Компас с картушкой (диском, разбитом на сектора) был изобретен в Италии только в 14-м веке. Поэтому здесь это явный анахронизм, вызванный влиянием короля Якова.

Барселона

Бывший корсар Раймундо Гомес, а ныне барон Йозаф фон Гейделиц, множество раз приводил свой кораблик «Золотая Макрель» в Барселону. И всякий раз город встречал его хорошей погодой.

Бывало, идешь мимо Сардинии – проливной дождь со шквалистым ветром прямо в фордевинд. Болтаешься возле Менорки – штиль, паруса безвольно висят... а по ночам еще и туман...

Но сто́ит приблизиться к Барселоне – все меняется. Туман исчезает, солнышко приятно греет, ветер приобретает ровную упругость...

Арногейр, сам встав к рулю, медленно и осторожно маневрировал между стоящих на рейде кораблей. Галиот приблизился к берегу под одним только фоком³. Все удобные места на рейде, перед портом Барселоны, уже были заняты. Поэтому Арногейру пришлось сместился сильно к югу, пока он не разглядел подходящее место – такое, где можно было вблизи берега встать на якорь. Прямо перед ними возвышалась покатая громада горы Монжуик.

Бросили два якоря – один с кормы, второй с носа. Растянутое между двумя якорями судно будет стоять надежно –

³ Самый нижний парус на фок-мачте (передней мачте).

откуда бы ни зашел ветер.

Иосиф спросил шкипера:

– Сколько вы простоите в Барселоне, Арнгейр?

– Рассчитываю уложиться в пару-тройку дней. Надо бы загрузиться местным вином, пополнить запас воды... А еще я хочу купить семенной пшеницы, несколько плугов из толедской стали, меда и оливкового масла.

Он оглядел Иосифа Хопкинса и Джона Кнайнборна:

– Вы хотите сойти на берег, господа?

Граф Джон Кнайнборн покачал головой:

– Не испытываю желаний. Меня в этом городе любая собака знает. Не хочу еще раз попасться в лапы агентам папской разведки... или шпионам новых английских властей...

Иосиф Хопкинс, поразмыслив, тоже решил не спускаться на берег. Ему в городе нечего делать. Вот разве только съесть несколько колец маринованного кальмара и запить местным вином с южных склонов Приората...

К барону подошли Фриц, Рудольф, Христиан.

Фриц попросил:

– Господин капитан! Позвольте мне спуститься на берег!

– Зачем тебе?

Фриц сказал:

– Поразвlecься. У меня тут, в городе, подруга. Зайду к ней... на перепихон.

Барон фон Гейделиц рассмеялся:

– У тебя в любом городе подруга! Ладно, иди.

Он достал кошелек и отсыпал Фрицу серебра. Потом посмотрел на Рудольфа и Христиана:

– А вы, солдаты – тоже хотите на берег?

– Так точно, господин капитан.

– Присмотрите за Фрицем! Чтобы не попал в передрагу!

– Яволь, господин капитан. Посидим в кабаке, подождем Фрица... пока он развлекается!

Фон Гейделиц дал им денег на вино:

– К вечеру – чтобы были на борту!

Гвардейцы отдали ему честь:

– Яволь, господин капитан!

Трое гвардейцев спустились в лодку и отправились на берег.

Фриц, ступив на галечный пляж, спросил Христиана:

– Где ждать меня будете?

Христиан ответил:

– Знаешь винную лавку Альвадо Моралеса, на Via Laietana, рядом с бывшей факторией нашего графа Джона?

Фриц ответил:

– Конечно. Там всегда можно купить вина – хоть стакан, хоть кувшин, хоть бочонок. Если денег хватит!

– Вот там тебя ждать и будем.

– Договорились! Только все не выпивайте... оставьте и мне пару глотков!

Фриц улыбнулся, махнул им рукой – и исчез.

Христиан и Рудольф отправились петлять по узким улочкам, которые вели в сторону винной лавки Моралеса. Их путь шел в гору. Они хорошо знали эту дорогу, потому что были здесь не раз. Поскольку шлюпка высадила их несколько южнее, они неторопливо шли по улочкам и переулкам Старой Барселоны между лачуг, церковей и дворцов, шагая в сторону центра города.

Поднимаясь в горку, они болтали между собой.

Христиан спросил:

– Рудольф! Это правда, что ты целовался с Дженнифер Стаффорд?

Рудольф смутился, покраснел, но ответил:

– Правда.

Видя, что Христиан смотрит на него насмешливо, Рудольф совсем смешался... но добавил:

– Она сама меня поцеловала. Это был сестринский поцелуй... Ничего такого, Христиан. Фрица она тоже тогда поцеловала...

Христиан посмотрел на Рудольфа ехидно:

– Говорят, она тебе даже свой платок подарила? С вензелями?

– И это правда...

Христиан хохотнул:

– Быть не может... Что бы Дженнифер, маркиза, дочь барона, сама вся из себя... и подарила тебе, простому солда-

ту-сироте – платок?

– Это произошло в Люнеле, когда был убит Эрик и ранен Ганс... Дженнифер принесла кровавую виру за смерть Эрика... и была очень расстроена тогда.

– Знаешь, друг Рудольф, болтать можно сколько хочешь... Но, пока я этот платок своими глазами не увижу – не поверю ни одному слову!

Видя, что Рудольф покраснел и потупился, Христиан расхохотался:

– Так и знал, что ты – трепло!

Но, к его удивлению, Рудольф полез за пазуху и достал какую-то серую тряпку. Развернув ее, он аккуратно извлек из середины белоснежный платок, обшитый по краю узором из синей шелковой нити. В одном из углов золотыми буквами вышит вензель «DSt». Платок был испачкан бурыми пятнами.

– Видишь, Христиан, это ее платок. А вот ее кровь, когда она добровольно уплатила кровавую виру. Здесь также моя кровь и кровь Фрица – когда мы смещали ее кровь с нашей. Поэтому Дженнифер стала нашей кровной сестрой...

Рудольф осторожно поцеловал крохотную каплю крови возле букв «DS», и, завернув платок в ту же тряпку, спрятал за пазуху.

Христиан хотел уже сказать пошлость, но увидев слезы, выступившие на глазах Рудольфа, сдержался. Вместо этого он пробормотал:

– Вот же... Натворила наша Дженнифер делов... Она ведь еще и Теодора траванула опиумом...

Рудольф ответил сдавленным голосом:

– Она думала, что Теодор везет какие-то важные документы, которые она желала заполучить. А Майкл ей объяснил, что наш Теодор, оказывается, сын барона Стаффорда, только незаконнорожденный. То есть, фактически – единокровный брат Дженнифер! Ты бы видел, какая истерика с ней произошла тогда... когда она осознала, что чуть не совершила братоубийство!

Христиан улынувшись, покачал головой:

– Даже не могу себе представить. Она всегда такая холодная, надменная, высокомерная... Конечно, с нами, солдатами сиротской роты, она ведет себя вежливо... ведь она наша сестра по крови... Единственный раз, когда она позволила себе расслабиться, было на обряде Огня и Меча в Авиньоне. Разделась догола и фехтовала ложками с Майклом... Вот умора! Я думал, обоссусь от смеха...

Рудольф, почему-то покраснев как рак, гневно сказал Христиану:

– Что ты окоlesiцу несешь? И вовсе Дженнифер не была голая. Она была в сорочке...

– А сорочка была прозрачной, из тонкого шелка! И сквозь ткань было видно, как у нее сиськи прыгают!

Рудольф, нахмурившись, потянулся за мечом:

– А ну-ка, Христиан, давай зайдем вон в тот дворик! Раз-

беремся с этим здесь и сейчас! Я не позволю оскорблять нашу сестру!

Но Христиан, подняв руку, примирительно сказал:

– Да полно тебе! Я сам прирежу любого, кто дурно отзовется о Дженнифер! Просто признайся – когда они с Майклом устроили этот балаган с ложками – это было смешно!

Рудольф немного остыл:

– Может, тебе и смешно... Ну, а мне... не смешно. Я всегда восхищался Дженнифер... и сейчас восхищаюсь. Она храбро и мужественно вышла на ристалище – хотя знала, что ее легко отделает любой мальчишка-сосунок из наших младших.

Христиан кивнул ему, соглашаясь:

– Тут ты прав. Храбрости ей, и вправду, не занимать.

Потом, подумав, добавил:

– И Майкла Дженнифер победила.

Рудольф удивленно посмотрел на Христиана. Ведь он помнил, как Майкл в том поединке под конец чиркнул Дженнифер ложкой по ягодице... И Дженнифер засчитали поражение... Но тут до него дошло:

– А... ты имеешь ввиду – позже? На вилле Лекаря?

Христиан кивнул:

– Точно! Майкл сдался ей без боя...

Рудольф задал вопрос, который мучил его уже давно:

– Почему она выбрала Майкла? Дженнифер ведь – из благородных... Стаффорды из Оддли! А Майкл – из крестьян...

сирота, голь безродная...

Христиан пожал плечами:

– Ты и сам знаешь, Рудольф: наш Майкл не так прост. Есть в нем нечто такое... Вроде простак-простаком, деревня деревней... а как прожжет тебя глазами насквозь... будто бы раскаленной железкой проткнул! Наверно, это и позволяет ему на равных вести себя с кардиналами, архиепископами и королями...

Рудольф помолчал и спросил почему-то шепотом:

– А правду говорят, что Дженнифер в юности... еще до замужества... была любовницей нашего короля Якова?

Христиан усмехнулся, хлопнул Рудольфу по плечу и проронил:

– Да ерунду говорят. Они же тогда еще совсем детьми были. Возьми, да сам посчитай на пальцах. Сколько им было? По десять лет?

– По одиннадцать.

– Невелика разница... Наш Яков тогда даже королем еще не был. Просто они одновременно гостили в поместье Евы Аттервуд... Там и познакомились. Вот и все.

Рудольф помолчал немного, глядя себе под ноги. Потом спросил:

– Христиан, а это правда, что наш король Яков все-таки остался жив? Ты же был рядом с бароном фон Гейделицем, когда Олаф показал фильм?

Христиан неопределенно пожал плечами:

– Ну... да. Олаф сказал, что Яков не умер. Просто переместился...

– Как же так? Мы же его всей ротой хоронили!

– Тут я тебе ничего не могу сказать, Рудольф. Да, я этот фильм видел. И даже видел в фильме невесту Якова. Красивая женщина. И очень необычная.

Рудольф ревниво уточнил:

– Неужели красивее Дженнифер?

Христиан развел руками:

– Да как сказать? Разве можно сравнивать двух красивых женщин? Каждая красива сама по себе... Это то же самое, что сравнивать малиновку и иволгу. Какая из птиц красивее?

– А на кого невеста Якова похожа?

– Я таких женщин до сих пор не встречал... Она высокая, статная, светловолосая, много смеется... а глаза – так и сверкают!

Они свернули в узенький переулок, который должен был вывести их к винной лавке Альвадо Моралеса. Они шагали по узкому (двум прохожим не разойтись) проходу, который разделял английское консульство и винную лавку Моралеса.

Слева стояло трехэтажное здание конторы сеньора Моралеса, а справа – сгоревшее здание консульства, где еще полгода назад заправлял делами граф Джон Кнайнборн.

Когда из Англии пришли известия о смерти короля Якова, папская разведка частыми граблями прошлась по всем из-

вестным агентам английской короны. Хватали всех... и кто работал на Министерство Тайн сэра Валентайна... и просто купцов, вся вина которых состояла в том, что они подняли на бизань-мачте своего корабля английский флаг.

Конечно, граф Кнайнборн оказался первым в этом обширном списке. В Риме знали, что Джон Кнайнборн приложил руку к исчезновению их агента Раньеро Спинолы в Барселоне... Поэтому с Джоном поквитались в первую очередь.

Нападение на английскую факторию до сих пор горячо обсуждалось во всех кабаках Кастилии. Произошло это открыто: среди бела дня, под грохот вышибаемых дверей, вопли сражающихся, звон мечей. Факторию окружили не менее полусотни закованных в сталь папских гвардейцев – и полилась кровь...

Живым увели из консульства одного только графа Джона Кнайнборна – крепко связанного по рукам и ногам, избитого, израненного. Остальной персонал мало интересовал папскую контрразведку... поэтому из людей Кнайнборна не выжил никто.

После штурма кто-то бросил факел в угол – и фактория запылала. Выгорело все: и контора, где заключались сделки, и склады... и товары на складах. Остались только голые, закопченные каменные стены, с обрушившейся кровлей и пустыми глазницами окон.

С той поры бывшая английская фактория так и стояла

черной закопченной язвой на светлой и солнечной архитектуре Барселоны...

Неторопливо шагая, Рудольф и Христиан приближались к перекрестку, который выводил их на широкую и прямую улицу Via Laietana. На Via Laietana был главный вход в винную лавку.

Им оставалось до перекрестка шагов сто... Гвардейцы собирались спуститься в подвальчик сеньора Моралеса, чтобы заказать себе кувшин темного, и густого как кровь, Апельасьон Приорат⁴.

Но тут Христиан остановился и схватил Рудольфа за руку. Из развалин сгоревшей фактории вышла высокая женщина.

Она ошеломленно остановилась посреди переулка – и принялась ошарашено оглядываться.

Эта женщина сильно выделялась на улицах Барселоны. На этой даме была странная одежда... явно не из этих мест. Голубой брючный костюм, под жакетом – белая блузка. Голову и лицо прикрывает прозрачная газовая косынка. На ногах – сапоги на высоких шпильках... даром, что сама дама выше среднего роста. Она стояла на этих шпильках, расставив ноги циркулем – поза совершенно невыносимая для дам и девушек юга Каталонии.

⁴ Эта марка вина известна по сей день. Происходит из района Приорат неподалеку от Барселоны. Культивировалось еще с 12-го века монахами-картезианцами из монастыря Скала Дей.

Ветер с моря, завернув в переулок, сорвал с головы женщины косынку, на миг обнажив прекрасное лицо. Светло-русые длинные волосы, растрепавшиеся от ветра, обрамляли правильные черты. Что-то в этом лице было нездешнее... Очень светлая кожа, огромные голубые глаза, опущенные густыми ресницами. Соболиные брови, большой чувственный рот, еле тронутый косметикой, немного курносый нос...

Женщина подхватила чуть не улетевшую косынку, прижав ее к голове ладонями. Христиан сказал Рудольфу:

– Смотри-ка. Ты видишь это чудо?

Тот ответил:

– Конечно. Такое впечатление... что эта дама с луны свалилась. Одна... без охраны... хотя явно не простолюдинка...

– Я готов дать руку на отсечение... эта дама – как две капли воды похожа на невесту нашего Якова!

Рудольф изумился:

– Да ты что? Быть такого не может...

Гвардейцы во все глаза смотрели на эту даму. Но тут они заметили еще кое-что. За спиной дамы из подворотни выглянули два оборванца. Босяки уставились на высокую даму в голубом брючном костюме.

– Смотри-ка, Христиан. Этой даме явно грозит опасность. Видишь, на нее уже таращатся два гопника... Кто бы она ни была – мы обязаны ей помочь.

Все произошло мгновенно. Негодяи, выскочив из подворотни, схватили женщину за руки. Дама испуганно вскрик-

нула.

Мерзавцы, не давая жертве вырваться, потащили ее во двор. Оттуда раздались истошные вопли. Женщина испуганно кричала.

Христиан и Фриц бросились бежать. Минута – и они оказались в том же дворике, куда злодеи затащили свою жертву.

Женщину уже повалили на землю. Она яростно пыталась сопротивляться, крича... но тщетно. Один из них сорвал с нее жакет, разодрал на груди блузку – и теперь лапал ей грудь и лицо. Другой пытался стянуть с нее брюки... но никак не мог разобраться в застежках. Та, крича, пыталась отбиваться... но силы были явно не равны.

Рудольф налетел на того типа, который тискал даме грудь. Он обрушил кулак на затылок насильника. Тот скатился на землю, оставшись валяться без движения.

В это время Христиан одним ударом ноги вырубил его подельщика – того, кто уже успел сорвать с женщины брюки, разорвав их в клочья.

Дама перекатилась на бок. Она сжалась в комочек, подтянув коленки к подбородку... и лишь только судорожно всхлипывала. Ее трясло. Одежда женщины превратилась в лохмотья. Открытая сумочка валялась рядом, а ее содержимое рассыпалось по земле.

Рудольф снял с себя плащ и, деликатно отвернувшись,

прикрыл женщину. Он сказал по-каталонски:

– Senyora, tot és passat. No tingats por. Nós no us farem mal!
5⁵

Христиан собрал в сумочку все, что раскидали бандиты. Его поразил необычный предмет: довольно тяжелая плоская коробочка со скругленными углами... матовая с одной стороны и блестящая с другой. Это был смартфон. Точь-в-точь такой, на каком Олаф показывал фильм про Якова. Фильм, в котором была показана невеста Георга. Та самая дама, которая сейчас лежала на земле... и которую только что пытались ограбить и изнасиловать.

Но еще больше Христиан и Рудольф удивились, когда смартфон металлическим голосом пробубнил по-английски:

– Мадам. Все прошло. Не бойтесь. Мы не сделаем вам зла.

Христиан удивленно воскликнул:

– Ну и ну! Мадам, вы англичанка?

Коробочка тут же перевела на кастильский:

– Per ma fe! Senyora, sou vós d'Anglaterra?⁶

Женщина, услышав английскую речь, пошевелилась. Она слегка приподняла голову и спросила:

– Вы англичане?

Рудольф сказал ей мягко:

– Да, моя леди. Англичане. Оба.

⁵ Госпожа, все позади, не бойтесь. Мы не причиним вам вреда! (староиспанский, каталонское наречие).

⁶ Это чудо. Госпожа – англичанка? (каталонский)

Христиан добавил:

– Не бойтесь. Теперь вам ничего не угрожает. Мы защитим вас.

Коробочка пробубнила то же самое по-кастильски.

Женщина спросила:

– Куда я попала?

Коробочка повторила:

– ¿Dónde he aterrizado?

Рудольф удивился:

– Как? Вы не знаете, где вы находитесь?

– Нет.

– В ста шагах от Via Laietana.

Дама переспросила:

– Via Laietana? Где это?

– Это улица... в Барселоне.

Дама приподнялась:

– В Барселоне? Я только что была в Бирмингеме... А мне нужно в Неаполь...

Рудольф и Христиан переглянулись. Дама явно не в себе. Перепутать два города, находящихся на разных концах Средиземного моря?

Рудольф сказал сочувственным тоном:

– Моя леди, вы позволите помочь вам? Давайте мы отвезем вас в укромное место, где вы успокоитесь, отдохнете... и все нам расскажете!

Женщина сказала приглушенным голосом:

– Хорошо... Только отвернитесь, для начала... Эти мерзавцы на мне всю одежду порвали...

– Конечно, мадам.

Гвардейцы деликатно отвернулись. Женщина, поднявшись на ноги, стала приводить себя в порядок. Она продолжала всхлипывать. Кое-как запахнувшись в плащ Рудольфа, она спросила:

– Что будет с этими негодьями, которые напали на меня?

Двое подонков до сих пор лежали на земле. Один молчал, второй глухо стонал.

– Вам есть до них дело, моя леди? Их, по-хорошему – надо бы прикончить...

– Убить? Да вы что?

Христиан улыбнулся:

– Здесь регулярно ходит патруль альгвазилов. Негодяев заберут... и к вечеру их повесят. Или вы желаете, чтобы я покарал их прямо сейчас?

Он потащил из ножен меч.

Дама, полуобернувшись, выпростала из складок плаща изящную руку и положила прекрасные пальцы поверх грубой руки гвардейца:

– Прошу вас, не трогайте, их... Лучше давайте скорее уйдем отсюда...

– Как скажете, моя леди. Здесь вот-вот покажутся альгвазилы. Я думаю, они больше заинтересуются вами, чем этими негодьями.

– Почему?

– Потому что вы выглядите... несколько необычно для этих мест...

Рудольф добавил:

– И еще об одном попрошу вас, моя леди. Выключите свой смартфон, чтобы он не повторял за нами все наши слова... Подозреваю, местные жители, увидев это устройство, еще больше заинтересуются вами.

Женщина выключила смартфон.

Христиан кивнул и предложил:

– А теперь, моя леди, давайте скорей уйдем отсюда.

– Куда вы меня поведете?

– Тут, рядом. Всего сотня шагов. Сеньор Альвадо Моралес держит тут заведение, которое одновременно является винным погребком, торговой конторой и уютной гостиницей. Там вы приведете себя в порядок... и немного отдохнете. А заодно расскажете нам, как это вы оказались в Барселоне, хотя отправлялись в Неаполь.

Рудольф предложил даме руку и повел ее в винную лавку.

Христиан неторопливыми шагами последовал за Рудольфом.

Появление в конторе несчастной дамы, завернутой в мужской плащ, вызвало переполох. Посмотреть на это диво сбегались не только клерки, но даже повара с кухни. Раздавались охи, ахи, соболезнования, предложения помочь... чем окончательно смутили бедняжку. Англичанка стояла в уго-

лочке, закутавшись в плащ Рудольфа... и только всхлипывала. Христиан и Рудольф стояли рядом с женщиной, отталкивая тех, кто лез слишком близко.

Дон Альвадо Моралес, услышав шум, самолично спустился вниз в контору из своего кабинета. Он тут же принялся наводить порядок:

– Ну, чего сбежались, бездельники? Заняться нечем? Идите, работайте! Сеньоре нужна помощь, а не ваше неуместное любопытство!

Когда все разошлись, сеньор Моралес участливо спросил даму:

– Сеньора, чем я могу вам помочь?

Поскольку смартфон с переводчиком был выключен, дама лишь беспомощно смотрела на Альвадо Моралеса, сверкая глазами из-под плаща.

Христиан сказал:

– Сеньор Моралес, эта дама подверглась нападению и грабежу. Счастье, что мы оказались рядом и смогли ей помочь. Не могли ли вы временно предоставить ей комнату, чтобы она могла привести свою одежду в порядок?

– Конечно, кабальеро Христиан.

Моралес повернулся к клерку, который дежурил в конторе:

– Матео, предоставь сеньорам и сеньоре по комнате. Организуй им обед. И вина, если попросят. И пришли нашу экономку в комнату сеньоры. Этой даме надо помочь. Сеньоре

желательно отдохнуть и привести себя в порядок.

Христиан подал голос:

– Если можно, пошлите кого-нибудь к местному портному. Нашей спутнице нужно отремонтировать одежду.

Сеньор Моралес кивнул:

– Конечно. – Он повернул голову к клерку. – Матео, ты все слышал.

Матео взял ключи и предложил:

– Идемте, сеньора и сеньоры. Я провожу вас. Вы пообеда-ете внизу, в конторе, или подать обед наверх?

– Мы пообедаем наверху.

Матео прислал к гостье единственную женщину, которая работала в винной лавке сеньора Моралеса. Это была эконо-мка, довольно пожилая женщина.

Англичанка сняла с себя остатки одежды. Дама сидела на кровати, в одном исподнем – тонком кружевном белье, кото-рое, судя по завистливым взглядам экономки, стоило целое состояние.

Пришел местный портной. Это был сухонький седой чело-век с быстрыми глазами и пальцами, привыкшими за мгно-вение определять качество ткани.

Чтобы общаться с ним, даме пришлось включить смарт-фон.

– Что угодно сеньоре? – спросил швец, окидывая постра-давшую профессиональным взглядом.

Он говорил с тем уважением, которое всегда появляется у человека, когда перед ним не просто покупатель, а тот, кто может хорошо заплатить.

Та ответила:

– Привести в порядок мою одежду.

Портной подошел к столу, на котором была разложена одежда сеньоры – и тщательно осмотрел ее.

– Какой странный наряд, госпожа... Никогда не видел, чтобы дамы одевали мужские штаны...

Та пожала плечами:

– В тех местах, откуда я прибыла – это обычный костюм для женщины. Многие так одеваются. Это удобно. Вы можете быстро привести мой костюм в порядок, сэр?

К сожалению, жакет, блузка, брюки гости превратились в лохмотья. Исправить урон было уже нельзя.

Портной покачал головой:

– Это невозможно, сеньора. Проще пошить новую одежду.

– Сколько это займет времени?

– Не меньше двух недель, мадам.

Дама нахмурилась:

– У меня нет столько времени на это. Может, вы подберете для меня что-то готовое?

– Едва ли это будет уместно для вашей милости...

– Мне наплевать на уместность или неуместность. Я очень спешу... и хочу покинуть Барселону уже сегодня. Поторопитесь, сеньор, мне сегодня еще нужно успеть в аэропорт...

Вряд ли портной понял, что такое «аэропорт», но он предложил:

– В любом случае, мадам, я должен снять с вас мерки. Не соблаговолит ли сеньора стать посреди комнаты, что бы я мог измерить ее фигуру?

Дама вздохнула и поднялась на ноги. Она оказалась выше портного на две головы. Тот изумленно проговорил, рассматривая клиентку:

– Мадам, мне еще ни разу не приходилось шить одежду столь впечатляюще статным женщинам...

Та хмуро ответила:

– Но вот... я перед вами. Делайте уже что-нибудь...

Портной пожал плечами и приступил к снятию мерок. Закончив с этим делом, он поклонился и заявил:

– У вас очень высокая фигура, мадам. Хотя сложение – как у богини: пропорциональное и соразмерное. Боюсь, ничего готового для вас не найдется... Все, что есть из готового, будет для вас слишком коротко...

– Ерунда, главное, чтобы подошло в груди и бедрах...

Портняжка поклонился:

– Ждите меня здесь, сеньора. Я буду через час.

С этими словами он исчез. Дама снова завернулась в плащ Рудольфа и уселась на кровать в ожидании.

Несколько раз женщина пыталась дозвониться в Неаполь или Бирмингем, но в этой гостинице местная сеть почему-то не ловила.

Наконец, портной вернулся в сопровождении двух молодых слуг. Мальчишки внесли два тюка, в которые была упакована одежда. Он стал раскладывать вещи на столе и кро-вати.

Первое платье, которое портной предложил ей примерить, было из темно-синего сукна. Плотная добротная ткань, с тонкой аккуратной вышивкой серебром по вороту и рукавам. Это платье незнакомке понравилось. Она примерила платье. Платье отлично сидело в груди и бедрах... но увы, длинные ноги англичанки оказались прикрыты только до колен. Выходить в таком виде на улицу было нельзя.

Тогда портной вытащил из тюка другое платье. Это было более простое серое дорожное платье, почти без отделки, из хорошей шерсти. Оно было без украшений, но оно как нельзя лучше подходило знатной даме, пускающейся в дальний путь.

Длинный подол, который должен был волочиться по земле, показывая высокий статус владелицы, едва доходил незнакомке до середины голеней. Хотя наряд был несколько широк в плечах и топорщился на талии – это было лучшее, что нашлось из готового в мастерской портного. Дама решила оставить себе это платье.

Чтобы скрыть ширину платья на талии, портной предложил широкий пояс из мягкой кожи с серебряной пряжкой.

Еще он подобрал ей отличный плащ темно-зеленого цве-

та, с капюшоном, подбитый мехом. Такой плащ мог защитить и от холодного ветра и проливного дождя.

Этот гардероб портной снабдил парой льняных сорочек, нижней юбкой, панталонами и шелковыми чулками.

Дама переоделась.

Из обуви, которую принес портной, путешественнице ничего не пришлось впору. Пришлось англичанке остаться в своих сапогах на высоких шпильках.

По просьбе дамы портной упаковал запасные рубашки в отдельный тюк.

Дама спросила:

– Сколько с меня?

Портной сказал:

– Семьдесят пять серебряных денариев.

Сумма было огромной. На самом деле весь гардероб стоил не более сорока денариев. Но портной был готов поторговаться и слегка уступить. Скажем до шестидесяти денариев...

Но дама, не торгуясь, протянула ему банковскую карточку.

– Снимите отсюда.

Портной удивленно взял прямоугольник из пластика в руки, повертел в пальцах... Посмотрел на одну сторону. На другую. Потом поднял глаза.

– Моя госпожа, что это?

– Банковская карточка. Вы что, никогда такой не видели? На ней деньги...

Портной зачем-то потряс карточку, будто ожидал, что деньги сейчас посыпятся из пластика... Но... ничего не произошло.

Швец, вздохнув, вернул ее обратно:

– Мадам, мне нужны настоящие деньги.

– На ней полно денег. Около восьмиста тысяч фунтов. Еще там доллары и евро. Я не понимаю, чего вы хотите?

Услышав цифру «восемьсот тысяч фунтов» портной на миг оцепенел. Он представил себе эту гору денег и даже вспотел. Если дама говорила правду, она владела богатством, каким могли похвастать только короли и очень крупные феодалы... Но почему она тогда не может заплатить семьдесят пять денариев?

– Я хочу серебра... металлом.

– Серебра? Металлом? – Она удивилась. – Ну... ладно. Сейчас я позвоню в банк.

Она снова попыталась позвонить по смартфону, но ничего не получалось. Сеть не ловила.

Тогда подняла телефон выше, будто это могло помочь. Безрезультатно. Она отошла к окну, потом к двери. Потом к стене.

– Ну же... Давай...

Портной молча наблюдал за ней, стараясь не показывать раздражения. Для него с каждой минутой становилось все

очевиднее, что дама не способна расплатиться.

На его лице появилась досада. Напрасные надежды на неплохой куш, напрасно потерянное время...

Она заметила его взгляд и уныло призналась:

– Ну вот... Не ловит. Я не смогу расплатиться...

Но портной уже давно заметил у нее на пальце изящное серебряное кольцо с рубином, а в ушах такие же серьги. Явный комплект. Дорого стоит...

– Госпожа, я предлагаю выход. Я понимаю, что вы попали в трудное положение... но и вы меня поймите. Мне надо кормить семью, содержать дом...

– Что вы хотите?

– Ваше колечко и сережки... Они как раз покроют стоимость одежды...

Дама уставилась на кольцо, как будто впервые его увидела.

– Но... я не могу... это все, что осталось мне на память от моей бабушки... Она погибла во время голода в блокадном Ленинграде...

И она разрыдалась.

Портной сказал вкрадчиво:

– В таком случае, оставьте мне эти кольцо и серьги в залог. Как только у вас будут деньги – мы сможем выкупить их обратно.

Дама еще раз всхлипнула и провела пальцами под глазами, смахивая слезы. Потом принялась крутить кольцо, снимая его с пальца.

Портной терпеливо ждал.

Наконец, кольцо и серьги оказались у него на ладони. Он поклонился еще раз:

– Я сохраню их для вас, сеньора. Вы можете забрать эти вещи, скажем... до конца месяца. Я придержу их... и не буду продавать.

Англичанка с тяжелым вздохом кивнула.

Портной поклонился, и, наконец, исчез.

Путешественница застегнула пояс на талии, набросила на плечи косынку. Она была готова. Дама попросила экономку пригласить мужчин, которые ее сюда привели.

Христиан и Рудольф явились.

Дама стояла перед ними, облаченная в серое платье. Увы, и это платье было ей коротковато – оно доходило только до середины голеней. К счастью, те самые высокие сапоги на шпильках прикрывали ей голени практически до колен.

Она спросила:

– Ну что? Совсем плохо?

– Вовсе нет, моя леди, – медленно ответил Рудольф. – Просто... непривычно.

Он немного смутился.

Христиан сказал, поклонившись:

– Моя леди, мы рады, что вы чувствуете себя лучше.

Та ответила:

– Благодарю.

Она устремила на них взгляд огромных голубых глаз:

– Джентльмены! Вы уже выручили меня. Окажите мне еще одну услугу... Помогите мне попасть в Неаполь!

Христиан хмуро покачал головой:

– Моя леди, на улицах Неаполя вас ждет точно такая же опасность, какой вы подверглись в Барселоне. Одиноким женщине, без свиты и охраны, опасно в любом городе. Поэтому, леди, мой вам совет – возвращайтесь домой.

Женщина устремила на него умоляющий взгляд:

– Но я не могу вернуться. Я... должна найти своего мужа... Он... Он исчез.

И она зарыдала.

– А кто ваш муж?

– Его зовут Георг Келли.

Христиан и Рудольф переглянулись. Они знали от Олафа, что это настоящее имя их покойного короля Якова.

Дама заметила их удивление. Она спросила, в свою очередь:

– Что? Вы его знаете?

Рудольф ответил:

– Да. Знаем, мадам.

Христиан поинтересовался:

– А вас? Как зовут вас, леди?

– Екатерина Сергеевна Журавлева. Я его жена.

Георг Келли очнулся в темной, грязной, вонючей камере.

Каменные стены, сложенные из массивных блоков. Где-то капала вода. Он лежал на полу, на пучке гнилой соломы. Было холодно и сыро. Голова кружилась.

Он пошевелился. Звякнули цепи. Оказывается, его руки и ноги были скованы кандалами. Цепь соединяла ноги и руки, а затем поднималась к массивному железному кольцу, намертво вделанному в каменную стену.

Он на всякий случай потряс кольцо. Даже не пошевелилось. Вделано намертво.

Георг осмотрел цепи. Хомуты на кистях рук были не просто закрыты на замки – их заклепали намертво. Мда... Без специальных инструментов эти цепи не перепилить... Где его инструменты? Их не было... Он потерял их? Или их отобрали тюремщики?

Георг ощупал себя. На теле множество ссадин, ожогов и синяков. Огромная шишка саднила на затылке. Его оглушили? Пытали? Он не мог вспомнить ничего...

Неужели это последствия удара по голове? Ему казалось, что вся комната вращается перед ним. Георг потряс головой. Головокружение не проходило, а только нарастало. Он чувствовал нарастающую дурноту.

Было тихо, лишь изредка раздавался шорох от пробежавшей крысы... да где-то мерно капала вода.

Почему-то эта капающая вода раздражала его больше всего.

Георг попытался вспомнить, как оказался здесь. Кажет-

ся... Кажется, он хотел что-то сделать... Что-то очень важное? Но что? Он попытался вспомнить... но ничего не получалось. Последнее, что он мог вспомнить – он проходит портал...

Георг услышал шаги, голоса, звяканье ключей, грохот открываемого замка... Кто-то идет сюда... Тюремщики? Идут пытаться его снова?

Что делать? Как сбежать отсюда? Внезапно Георг увидел прямо перед собой вращающуюся воронку туннеля. Портал! Вот оно, спасение! Если бежать, то туда...

Туннель ринулся на него, схватил, куда-то понес... и все погрузилось во тьму.

Христиан и Рудольф смотрели на Катю, вытаращив глаза и открыв рот. Изумлению их не было предела.

Наконец, Христиан опомнился первым. Он понял, почему Катя Журавлева так странно одета, и почему у нее в руке смартфон. Она была из двадцать первого века.

Он медленно произнес:

– Моя госпожа... Вам действительно надо попасть в Неаполь?

– Да. Там живет друг Георга. Его зовут Олаф Расмуссен. Единственный человек, который может помочь мне найти мужа – это он.

Катя достала из сумочки пластиковую карточку со своей фотографией:

– Хорошо, что я захватили паспорт. Друзья мои, отвезите меня в аэропорт, я полечу в Неаполь.

Христиан переспросил:

– Вы имели ввиду – полетите на самолете?

– Да, конечно. А как иначе мне попасть в Неаполь?

Христиан покачал головой:

– После того, как король Яков покинул нас – все самолеты, которые он построил, были уничтожены... Поэтому самолеты сейчас не летают...

– Так как же мне попасть в Неаполь? На поезде?

– Поездов тоже нет. Путь по суше, длительный и утомительный, вам придется проделать в карете...

Рудольф поднялся.

– Пойдемте, моя леди. Я отведу вас в порт. Единственный способ быстро попасть в Неаполь из Барселоны – взойти на корабль.

Христиан поднялся тоже.

– Ты прав, Рудольф. Отведем миледи на «Рагнар». Надеюсь, Аргнейр согласится еще раз сделать рейс в Неаполь... Идемте, мадам.

Катя спросила:

– А нельзя ли вызвать такси?

– Что такое «такси», моя госпожа?

– Неужели в Барселоне нет такси?

– Боюсь, ваше величество, такой штуки нет ни в Барселоне, ни в Неаполе, ни в Лондоне.

Катя изумилась, но попыталась улыбнуться:

– Что? В какой век я тогда попала?

Христиан ответил:

– От рождества нашего Господа, Иисуса Христа, тысячу двести тридцать первый.

Катя рухнула обратно на стул. Она уставилась на Христиана, как на умалишенного:

– Тысячу двести... Вы не шутите?

– Нет. Не шучу.

– Тринадцатый век... А я все недоумеваю: почему тут, в лавке, нигде нет компьютеров... Электричества... Водопровода...

Она поднесла смартфон к глазам:

– И местная сеть не ловится...

Катя уронила руку с телефоном на колени и уставилась куда-то в угол:

– Так значит, Георг создал портал в тринадцатый век... Вот оно что... Теперь понятно... Он захотел увидеть эту шлюху... Дженнифер... И зачем я согласилась дочь назвать этим именем??? Как чувствовала – тут что-то неладно... Правда, когда моя Дженни родилась, я про этот роман еще не знала...

Она разрыдалась.

Рудольф вспыхнул было, когда Катя обозвала Дженнифер шлюхой, но Христиан положил ему руку на плечо, сделав знак, чтобы Рудольф молчал.

Катя сидела молча, всхлипывая и шмыгая носом. Гвардейцы молчали тоже.

Наконец, Катя подняла голову и сказала:

– Значит, я в тринадцатом веке... И как мне теперь выбраться отсюда? Туда... домой... в двадцать первый век?

Христиан сказал:

– Кажется, вы упомянули Олафа Расмуссена?

– Дааа...

– В таком случае, моя леди, Олаф Расмуссен – единственный человек, который сможет помочь вам. Всего неделю назад мы видели его в Неаполе. Идемте на корабль. Надеюсь, нам удастся уговорить капитана Арнгейра повернуть корабль в Неаполь.

Галиот «Рагнар»

Рудольф и Христиан не стали вести Катю узкими переулками и улочками к тому месту, где их ждала шлюпка с «Рагнара». Вместо этого они спустились по Via Laetena к пристани, где всегда можно было нанять лодочника.

Друзья помогли Кате забраться в шлюпку. Утлое суденышко качалось, а Катя охала. Наконец, все устроилось. Лодочник, поплевав на ладони, принялся грести. Через четверть часа лодка приблизилась к галеоте «Рагнар».

Христиан окликнул:

– Эй, на галиоте!

Вахтенный офицер Нильс перегнулся через фальшборт:

– Есть на галеоте! Что вам надо?

– Здесь Рудольф и я, Христиан.

– А, это вы... Надо же, трезвые... А кого это вы привезли вместо Фрица?

– С нами дама.

Вахтенный хихикнул.

– Я вижу, что не мужчина! Вы что, свою подружку сюда притащили? Что делать «даме» на борту корабля?

Христиан прикрикнул на него:

– Ну-ка, давай без пошлостей, Нильс! Этой даме нужна помощь! Она – жена Георга Келли. Она здесь по делу.

Нильс изумился:

– Жена Георга Келли? Пойду, доложу капитану Арнгейру. Вы ждите пока.

Им пришлось ждать не меньше пяти минут, пока на шканцах появился Арнгейр. Он обратился к даме.

– Что вы хотите, госпожа? Мне вахтенный сказал, что вы – супруга Георга Келли. Это так?

Катя сказала:

– Да, это так. Сэр, мне совершенно необходимо попасть в Неаполь. Как можно скорее. Я разыскиваю своего мужа. Он пропал. Единственный человек, который может мне помочь – это Олаф Расмуссен...

Капитан Арнгейр думал недолго:

– Георг Келли пропал? Поднимайтесь на борт, леди. И расскажите нам все. Я прикажу вахтенным спустить для вас трап.

На палубе Катю, кроме капитана Арнгейра, встречали барон Иосиф фон Гейделиц и граф Джон Кнайнборн.

Барон и граф коротали время в своей каютке, попивая винцо и бросая кости. Услышав беготню на палубе, они вышли посмотреть, в чем дело.

Катя, поднявшись на палубу, первым делом протянула руку капитану Арнгейру для рукопожатия. Такое приветствие, вполне уместное для деловой дамы из двадцать первого века, в тринадцатом воспринимался как совершенно мужской жест: приветствие двух воинов.

Поэтому Арнгейр на секунду смутился и даже растерялся. Однако, капитану негоже стоять посреди палубы, вытаращив глаза и отвесив челюсть. Он быстро взял себя в руки. Сняв шляпу, Арнгейр опустился на одно колено и почтительно облобызал Кате руку. Это, в свою очередь, заставило смутиться Катю.

Арнгейр поднялся на ноги, еще раз поклонился, одел шляпу. Затем отступил в сторону, чтобы представить барона Иосифа фон Гейделица и графа Джона Кнайнборна.

Но не успел Арнгейр открыть рот, как Катя воскликнула: – Джон? Иосиф? Вы тоже здесь? Вот так встреча!

Она шагнула вперед и легко чмокнула в щеку сперва одного, потом другого. Странно было видеть от женщины такой способ приветствия, но у Кати это получилось естественно – просто и по-дружески.

– Госпожа, – пробормотал изумленный фон Гейделиц, покраснев, как рак. – К сожалению, не имею чести быть вам представленным... Я вас впервые вижу, леди...

Катя уставилась на него с удивлением:

– Погодите, Иосиф... Ваша фамилия, кажется, Хопкинс? Разве не вы приезжали к нам с Георгом, в гости, пару лет назад? Неужели вы не помните моего сына Иосифа, которого Георг называл в вашу честь?

Это сообщение заставило фон Гейделица изумиться. Он так и застыл на палубе, вытаращив глаза и открыв рот.

Катя, тем временем, перевела глаза на графа Кнайнборна:

– Ну, а вы – Джон Кнайнборн? Вы тоже меня не помните?

Граф, конечно, не показал своего изумления, как это сделал фон Гейделиц. Тем не менее, поклонившись, он проронил своим мелодичным голосом:

– Миледи... если бы я когда-либо удостоился такой чести. быть представленным вам... поверьте, я сохранил бы этот день в памяти до последнего вздоха.

Он чуть склонил голову:

– Но, увы, моя леди... я вижу вас впервые.

Джон Кнайнборн на мгновение задумался. Помолчав, он добавил:

– Однако, я не дерзну усомниться в ваших словах. Ваша уверенность слишком искренняя... чтобы быть обманом. Видимо, судьба... или время – сыграли с нами странную шутку, миледи. Вы знаете нас... а мы ещё не успели изведать удовольствия узнать вас...

Катя одарила Джона вспышкой голубых глаз и поблагодарила его за учтивые слова.

Капитан Арнгейр предложил Кате спуститься в капитанскую каюту. Туда же были приглашены Иосиф и Джон.

Они уселись за штурманским столом, где капитан Арнгейр занимался прокладкой маршрутов. Катя принялась рассказывать, как она оказалась в тринадцатом веке.

Рассказ Кати

– Мы с Георгом поженились почти сразу после той автокатастрофы, где ему переломало все кости... Георг вылечился, вернулся на работу, а я закончила колледж. Я нашла работу в строительной фирме – строила дома. Мы с Георгом родили и воспитали четырех детей... Они все уже взрослые, а старший женился недавно... и подарил мне внуков...

Фон Гейделиц удивился:

– Моя леди, прошу меня извинить, а сколько длится ваш брак?

Катя ответила:

– Тридцать два года. Мне сейчас пятьдесят один год...

Мужчины изумленно переглянулись. Катя Журавлева, по их меркам, выглядела лет на двадцать. Гладкая розовая кожа, ясные глаза, великолепные зубы... А она, оказывается, гораздо старше. И успела родить четырех детей...

Катя достала из сумочки смартфон, и стала показывать снимки:

– Вот, смотрите. Это я. Это Георг. Вот наши дети. Старшего мы назвали Джон. Следующего Иосиф. Третьей родилась девочка, мы ее назвали Дженнифер. А младшего зовут Майкл.

Мужчины переглянулись. Георг назвал детей в честь своих друзей.

Они стали рассматривать фотографии на смартфоне. Все мальчишки – копии своего отца Георга. Тоже рыжие. А вот девочка Дженнифер очень похожа на мать. Такие же голубые глаза и такие же тяжелые, русые волосы.

Они рассматривали семейные фотографии. Вот Георг со всей семьей играет в футбол. Катя стоит на воротах, а ее лицо перепачкано землей. Вот они жарят мясо на гриле. Вот, зарывшись в желтый песок, вся семья загорает где-то на пляже... Вот Георг вместе с мальчишками мастерит скворечник в домашней мастерской. Вот он сидит в кабине планера «Арлингтон» и машет рукой...

– К пятому году мы накопили достаточно средств, чтобы построить себе собственный дом. Конечно, проект я разработала сама, и руководила строительством тоже сама... поэтому этот дом нам очень дешево обошелся. Пришлось приобрести лишь строительные материалы... да нанять рабочих.

Мы с Георгом прожили в любви и согласии больше десяти лет, как вдруг появилась эта парочка... брат и сестра. Майкл и Дженнифер.

Катя показала фотографию. На ней Майкл Доббс и Дженнифер Стаффорд стояли на веранде нового дома, обнявшись с Георгом Келли.

– Внешне, конечно, все выглядело благопристойно. Георг и Майкл сидели на веранде, попивали пиво, вспоминали старые времена, старых друзей... Но я сразу заподозрила неладное. Меня поразило даже не то, как эта шлюховатая стерва

Дженнифер посматривает на моего мужа. Мой муж – красивый мужчина и ему многие дамы строят глазки... Меня глубоко уязвило, КАК Георг смотрит на нее...

Разумеется, я ничего мужу не сказала. Да и говорить было нечего. Майкл и Дженнифер погостили у нас дня три и уехали. Очень странная пара. Хотя они и называют друг друга братом и сестрой... я подозреваю, что они гораздо более близки. Именно эта близость, мне кажется, глубоко уязвила Георга.

После этого визита он стал более замкнутым, чаще запирался в своем кабинете... и работал как бешенный. Он занимался математикой.

А я продолжала строить дома. Я уже тогда очень прилично зарабатывала. Мы себе ни в чем не отказывали.

Георг уволился из своей авиастроительной фирмы и вплотную занялся математикой. Я заглянула как-то в его записи... Конечно, математику и я изучала, но... знаю ее на уровне колледжа. То, над чем работал Георг – далеко выходит за пределы моего понимания... Иногда ему помогал его друг, Олаф Расмуссен...

Фон Гейделиц переспросил:

– Простите, моя леди, вы знаете Олафа?

Катя ответила.

– Да. Это старый друг нашей семьи. Они с Георгом много работали вместе над математическими проблемами. Олаф часто появлялся у нас.

Катя показала несколько фотографий, где Олаф с Георгом сидят за шахматной доской, хвастаются пойманной рыбой или просто дружески обнимаются.

– Они с Георгом большие любители шахмат и рыбалки. И, конечно, они часами просиживали за своими формулами... Писали, спорили...

Катя посмотрела на Иосифа и Джона и сказала им:

– Вы тоже навещали нас. Неужели вы не помните?

На фотографиях красовался Иосиф фон Гейделиц – коротко стриженный, в военной форме, гладко выбритый, короткие усы щеткой. Иосиф сидел с Георгом на веранде. Они пили чай со льдом. А вот запечатлен семейный пикник, где барон вместе со своим тезкой Иосифом жарит мясо на гриле, запивая томатным соком... Иосифа поразила собственная физиономия с короткими усами на экране. Он не помнил ни этого пикника, ни этой формы, ни детей Кати и Георга...

Джон Кнайнборн увидел себя с Георгом на рыбалке. Светило солнышко, летали стрекозы. Двое приятелей в одних плавках сидели в расслабленных позах на легких алюминиевых стульчиках, среди камышей. Их ступни погружены в воду. У каждого в руках удочка и банка с пивом. Они смотрят друг на друга и чему-то заливисто смеются. У Кнайнборна на груди красуется та самая татуировка с виселицей на пятерых... где одна петля свободна.

А вот Джон с Георгом стоят, держа в руках бокалы с шампанским на каком-то дипломатическом вечере. Оба в смо-

кингах. Рядом – Катя в темном вечернем платье. Ее взял под локоток некий господин в отлично сшитом костюме, с бородой. Господин что-то шепчет Кате на ухо, а та весело хохочет.

– Это мы на приеме в российском посольстве. Вот это – российский посол...

Джон Кнайнборн спросил:

– А кто из друзей Георга еще появлялся у вас?

– Я не всех знаю... У него много приятелей. И по прежней работе, в авиастроительной фирме... и соседи... и партнеры по шахматам или рыбалке...

– А кто появился последним?

– Последний, кто появился – это Алоисий Браун. Такой милый старичок с бородой до пояса. Вылитый гном из сказки про «Хоббита». Лысый, в очках... и немного сумасшедший. Он появился за день до исчезновения Георга...

Смартфон показал им Алоисия.

Получалось, в гостях у четы Келли перебивали все (или почти все) персонажи из тринадцатого века. Тогда Георг был известен, как король Яков Первый Плантагенет, сын короля Ричарда Львиное сердце, племянника короля Иоанна Безземельного...

Фон Гейделиц спросил:

– Моя леди... а как вы оказались в Барселоне?

– Я прошла через портал...

– Что за портал?

– Вы же знаете, Иосиф... Мой муж – инженер. Он больше практик, чем теоретик. Когда его выкладки сошлись, он похвастался Олафу. Мне он тоже похвастался... но я ничего не поняла. Потом они с Олафом долго сидели и изучали формулы... Наконец, Олаф признался, что не видит в выкладках ни единой ошибки. Олаф выглядел вдохновленным и... даже каким-то потрясенным. Олаф пообещал опубликовать работу Георга в каком-то научном журнале... не помню, как называется...

Потом Олаф уехал. А Георг, похоже, на этом не остановился. Он начал что-то мастерить. Целыми днями он пилил, строгал, паял, что-то настраивал, программировал... Как он мне сказал: он хочет сделать портал для мгновенного перемещения.

Катя замолчала и задумалась.

– Я мало вникала в проблемы Георга. Сами понимаете: дом, семья, работа, дети... все на мне. А Георг построил небольшой портал... так, чтобы курицу просунуть... не больше. Он долго с ним экспериментировал, настраивал, переделывал... пока не убедился, что все работает.

Катя вздохнула:

– Меня тогда уже насторожило, что он не показал свой прибор Олафу, хотя до этого ничего от него не скрывал. Когда Олаф приезжал к нам, Георг возил его на рыбалку, играл с ним в шахматы. В баре любили посидеть... Но про портал – ни слова.

Катя пригубила вина и продолжила:

– А потом он начал строить полноразмерный портал... Так, чтобы взрослому человеку пройти. Он построил его быстро – месяца за два. Как он сказал – все принципы уже отработаны на малой модели...

Она замолчала, глубоко задумавшись.

Фон Гейделиц осмелился нарушить это молчание:

– И что было дальше, леди?

Катя вздохнула еще раз.

– А дальше – ничего. Георг накрыл портал чехлом... и словно забыл про него. Почти на год. Ни включал, не экспериментировал... Пока не появился Алоисий...

Она вытерла слезу, выкатившуюся из уголка глаза.

– Я думаю, Алоисий сказал ему нечто... Отчего Георг сделался сам не свой. А потом... я пришла с работы... а Георга дома не оказалось. Сначала я подумала, что он сидит в баре... Но когда бар закрылся, а Георг не появился дома, я испугалась по настоящему... Он ни оставил ни записки... ни сообщения на мобильнике⁷⁷... ничего. Очень на него не похоже. Я несколько раз звонила ему... но он не отвечал.

Тогда я позвонила Олафу, в Неаполь. Олаф сказал, что Георга не видел с прошлого четверга.

Я зашла в мастерскую Георга... и увидела, что портал

⁷ В Англии мобильный телефон называют в разговоре просто mobile. Полный британский вариант mobile phone, в отличие от американского cell phone.

включен. Я заподозрила, что Георг там, за порталом. Поэтому я, в чем стояла, прошла через портал... только сумочку успела захватить... И вот – я здесь. Портал вывел меня в какой-то подвал. Я оглянулась – обратного пути не было. Была закопченная каменная стена... как будто я только что прошла сквозь неё...

Тогда я стала выбираться между обломков и развалин, пока не вышла в какой-то переулок...

Я не успела и шагу сделать, как на меня набросились два негодяя... и попытались изнасиловать и ограбить...

Катя, всплакнув, добавила:

– Спасибо что Рудольф с Христианом спасли меня... Я даже не знаю, что делала бы одна, в чужом городе...

– Что вы рассчитывали тут найти, моя леди?

– Как что? Георга, конечно. Я хотела убедить его вернуться домой... и не пугать меня больше.

– Но тут Георга нет.

– Это я уже поняла. Что Георгу делать в Барселоне? Я думала, он отправился в Неаполь, к Олафу...

– Что вы думаете делать дальше, мадам?

– Полагаю, единственный человек, который мне может помочь – это Олаф Расмуссен. Как мне найти его?

– Моя леди, всего неделю назад мы все видели Расмуссена в Неаполе.

– Олаф в Неаполе? Сейчас, в тринадцатом веке?

– Да.

Катя обвела всех троих глазами, потом попросила:
– Тогда поехали в Неаполь.

Королева Катя Журавлева

После того, как Катя завершила свой рассказ, Арнгейр, фон Гейделиц и Кнайнборн долго молчали.

Наконец, капитан Арнгейр проворчал:

– Я поворачиваю галеот обратно в Неаполь. Ради памяти о короле Якове – я просто обязан отвести его жену на Виллу Лекаря. Надеюсь, Олаф Расмуссен сможет ей помочь.

Катя, зарумянившись, принялась благодарить Арнгейра. Потом она спохватилась... и, смутившись еще больше, попросила:

– Джентльмены, вас не затруднит оказать мне еще одну услугу? Здесь, в тринадцатом веке, моя банковская карточка не работает. Я оставила портному в залог свои сережки и кольцо... а они очень дороги мне. Не можете ли вы одолжить мне денег, чтобы я выкупила их обратно?

Фон Гейделиц кивнул и кликнул Христиана.

Когда Христиан явился, барон дал ему денег и велел немедленно бежать в лавку портного, чтобы вернуть Катин гарнитур.

Арнгейр обвел глазами Иосифа фон Гейделица и Джона Кнайнборна. Арнгейр сказал им:

– Если не хотите видеть Расмуссена, друзья, вы можете сойти на берег и подождать меня в Барселоне. Мой поход в

Америку не отменяется, а просто откладывается.

Кнайнборн покачал головой:

– Сожалею, но сто́ит мне ступить на берег Барселоны, как меня немедленно схватят. И снова отправят в Чивитавеккью, в Замок Молчания. Где заставят замолчать уже навсегда... Я отправлюсь вслед за Екатериной Сергеевной в Неаполь.

Иосиф Хопкинс ничего не сказал, только тяжело вздохнул. Он понял, что обстоятельства опять возвращают его к этому негодяю и мерзавцу Олафу Рассмусену... которого Иосиф так ненавидел и боялся. Фон Гейделиц мог бы, конечно, сойти на берег в Барселоне и ждать Арнгейра здесь... однако честь не позволила ему покинуть жену Георга Келли.

Да, фон Гейделиц потерял своего короля. Зато обрел королеву.

Он, поднявшись из-за стола, извлек меч. Положил его к ногам Кати, опустился на колени.

– Я, Иосиф Хопкинс, барон Йозаф фон Гейделиц, солдат и слуга короля Якова и его супруги Кати, перед Богом и всеми святыми клянусь: пока кровь течёт в моих жилах, а рука моя способна держать меч – я буду хранить жизнь и честь моей королевы Кати. Я буду защищать её от врагов явных и тайных. Разделю с нею опасность, голод, изгнание и дорогу. Если мне придётся выбирать между собственной жизнью и службой ей – я отдам жизнь. Я не оставлю свою королеву Катю, пока не исполнится её воля и пока она не найдёт то, что ищет... или она сама пожелает освободить меня от этой при-

сяги. Клянусь моей честью воина, честью дворянина и памятью моего короля Якова. Да засвидетельствуют этот обет Бог и все святые...

Джон и Арнгейр тоже сложили свои мечи перед Катей и повторили слова присяги.

Часть вторая. Неаполь.

Дженнифер

Иосиф фон Гейделиц испытал ощущение дежавю, когда подергал за веревку колокола, висевшего над воротами. Точно так же он звонил в ворота Виллы Лекаря весной, когда цвел виноград. Сейчас была осень, а виноградные кисти наливались солнцем и сладким соком.

Тогда, весной, он не знал, что его ждет. Иосиф давно усвоил, что от Олафа Расмуссена можно ждать чего угодно: от дружеских рукопожатий... до удара прямым в челюсть... или стилета в бок.

Теперь, мучаясь сомнениями (правильно ли он поступил, приведя Катю сюда), он стоял перед воротами – и не знал, что ждет его теперь.

Им открыл сам Олаф. Он был в джинсах, ковбойской клетчатой рубашке, на ногах сапоги. Шея повязана платком, на голове – широкополая шляпа-стетсон. Увидев Катю, он удивился... даже опешил. Но удивление тут же сменилось приятной улыбкой:

– Екатерина Сергеевна? Какими ветрами? Как неожиданно!

Сняв шляпу, Олаф непринужденно расцеловался с Катей

– сперва в правую щеку, потом в левую... как это принято у старых друзей.

– Катюша, ра

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.